

МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬСЯ ДОБРОДЕТЕЛИ? (СОФИСТЫ, ИСОКРАТ И ПЛАТОН О ВОСПИТАНИИ)¹

В статье рассматриваются этические дискуссии, имевшие место в Афинах в V–IV вв. до н.э. Ключевая тема дебатов — природа добродетели. Предлагается сравнительный анализ взглядов софистов, Исократ и Платона на цели, задачи и средства воспитания и образования. Показывается, что их понимание мыслителями определяет и понимание ими добродетели, и ответ на вопрос, можно ли научиться добродетели.

Ключевые слова: этика, добродетель, пайдейя, софисты, Исократ, Платон.

I. N. Mochalova

Can virtues be learned? (the Sophists, Isocrat and Plato on Education)

The article discusses ethical discussions in Athens in the 5th and 4th centuries B. C. Key topic of the debate was the nature of virtue. The author offers comparative analysis of the views of the Sophists, Isocrates and Plato on the goals, objectives and means of education and upbringing. It is shown that their understanding by the thinkers determines both the understanding of virtue, and the answer to the question whether it is possible to learn them.

Keywords: ethics, virtue, Paideia, sophists, Isocrates, Plato.

Вопрос о том, как воспитать хорошего человека, всегда был и остается одним из центральных для любого общества. Однако прежде чем на него отвечать, следует определиться, а можно ли вообще воспитать хорошего человека? Когда родители, расписываясь в собственном педагогическом бессилии, в отчаянии восклицают: «Горбатого могила исправит!», или с некоторой надеждой повторяют: «Вырастет, сам за ум возьмется», они, может быть, не всегда осознавая это, считают, быть хорошим научить нельзя, им можно только родиться. Такая позиция удобна, ибо естественно снимает вопрос, как о методах воспитания, так и об искусстве воспитателя. Однако она никогда не удовлетворяет общество, которому нужны воспитанные люди, или, если воспользоваться языком Платона, добродетельные граждане и которое вот уже десятки столетий задается все тем же вопросом, как воспитать хорошего человека.

* Мочалова Ирина Николаевна — кандидат филос. наук, зав. кафедрой философии, доцент ЛГУ им. А. С. Пушкина, Mochalova@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ в рамках проекта № 14-03-00569 «Мужество как репрезентация истории в диалогах Платона».

Очевидно, что этическая проблематика неотделима от жизни древнегреческого полиса и его культуры. Однако вопрос о том, как можно стать добродетельным человеком, в качестве теоретической проблемы начинает осознаваться во второй половине V в. до н.э. в Афинах в условиях бурно развивающейся софистики. В это время складывается новый тип учителя. Он — носитель новой системы ценностей; учитель, который должен заменить воспитателя-отца и нести ответственность за духовное становление ребенка. Потребность в таких учителях приводит к распространению платных услуг, что позволяет дифференцировать качество работы: учитель становится мастером, который за выполненную работу получает деньги. Деньги начинают выступать средством оценки сделанной работы. Это делает необходимой выработку критерия ее оценки, для чего нужно ясное понимание, чему должен быть обучен ученик, т. е. должно быть определено содержание обучения, поставлена цель и найдены адекватные средства ее достижения; как следствие, обучение становится продуманным рациональным процессом. Таким образом, обсуждение вопроса, можно ли научить добродетели, получает для софистов, среди которых самыми известными были Протагор из Абдер, Горгий из Леонтин, афинянин Антифонт, Продик Кеосский и Гиппий Элидский, прежде всего, практическое значение, ибо положительный ответ на него служил обоснованием их преподавательской деятельности, за которую они получали немалые деньги.

Особую остроту проблемы воспитания приобретают в IV в. до н.э., веке, начало которого совпало с окончанием Пелопоннесской войны (404 г.), а завершение определилось битвой при Херонее (338 г.), положившей конец независимости Эллады. По свидетельству Фукидида, за это время Эллада испытала такие бедствия, каких никогда раньше не испытывала: никогда не было взято и разорено столько городов, не было столько изгнаний и убийств, междоусобиц, голода, болезней (Thuc. I, 23, 1–3) [14, с. 14].

Осознание разрушительных последствий кризиса, выразившегося в острых военных и социальных конфликтах, в нарушении привычных норм и образа жизни, в разрушении прежней системы ценностей в целом, требовало поиска средств для его преодоления. В качестве одного из них современники увидели воспитание. Как подчеркивает В. Йегер, «IV век превратился в период попыток внутреннего и внешнего возрождения греческой культуры», «трезвое осознание духовного и морального крушения блестящей эпохи V века сделало греков способными ощутить значение воспитания и культуры с такой глубиной и ясностью, что последующие поколения никогда не перестанут у них учиться» [1, с. 7]. Казалось, что именно воспитание может стать «архимедовым рычагом, который позволит перевернуть всю политику государства», ибо «стремление строить новое общество, основываясь на духовном развитии граждан, никогда не проявлялось сильнее, чем в это время» [1, с. 7]. В этих условиях в Афинах возникают первые высшие гуманитарные школы, риторическая школа Исократы и Академия Платона и с новой силой возобновляются дискуссии по всему спектру этических проблем, ибо именно эти школы берут на себя задачу сформулировать идеал образованности, выработать и предложить обществу высшие духовные ценности.

Исократ: научить добродетели нельзя, но воспитывать граждан нужно

Исократ (436–338 гг. до н.э.), ученик Горгия и Продика, по слабости голоса не выступавший публично, а зарабатывавший деньги трудом логографа, начиная с 392 года все свое внимание сосредотачивает на основанной им школе красноречия, вскоре

ставшей крупнейшим риторическим центром Эллады (Подр. о жизни Исократа см.: [2]). Курс был рассчитан на трех-четырёхгодичное обучение, причем из-за высокой платы (около 1000 драхм) был доступен весьма состоятельным людям. За сорок лет существования школы в ней прошло обучение около ста учеников, из которых вышли прославленные ораторы (Иссей, Ликург), историки (Эфор, Феопомп), политические деятели (Лисифид, Калипп) и полководцы (Тимофей) (Подр. см. [7, с. 118–136]).

Главным предметом занятий становится систематизация правил риторики и упражнение в составлении речей. Исократ был убежден, что только изучение искусства красноречия закладывает фундамент необходимого воспитания и образования, формирует профессиональные навыки для любой деятельности. Совершенствование софистической техники слова приводит Исократа к пониманию словесной деятельности в единстве трех аспектов, это: умелое применение технических приемов, средство приносить пользу и свидетельство разумности говорящего. Понятое таким образом ораторское мастерство становится у Исократа «философией речи», опирающейся на знакомство учеников с общепринятым, установленным мнением. В главном он был согласен с софистами: ребенок должен учиться «не ради ремесла (οὐκ ἐπὶ τέχνῃ)», а «ради образования» (ἀλλ' ἐπὶ παιδείᾳ) (Pl. Prot. 312 b 2–4) [8, с.193].

Как и софисты, Исократ не стремится к истине. Уверенный в относительности человеческого знания, он предпочитает безуспешным и поэтому, с его точки зрения, бесполезным поискам истины обладание мнением, под которым понимает многообразие полезных сведений. По мнению Исократа, образование/воспитание должно состоять в усвоении учениками общепринятого как наиболее полезного для достижения успеха в жизни. Неоднократно подчеркивая приоритет мнения, Исократ писал:

«Поскольку человеческой природе не присуща способность овладеть знаниями, обладая которыми мы могли бы знать, что нам следует в жизни делать или говорить, то я из всех остальных считаю мудрецами тех, которые в своих суждениях способны прийти к наилучшему решению» (Isocr. XV, 271) [3, с.358].

Он был уверен, что «намного важнее иметь хотя бы приблизительное представление о делах полезных, чем точное знание бесполезных» (Isocr. X, 5) [4, с.201], «те, кто руководствуются общепринятыми мнениями, более согласны друг с другом и чаще добиваются успеха, чем те, кто громко заявляет об обладании знанием» (Isocr. XIII, 8; ср.: XII, 30) [5, с.284]. Поэтому Исократ добивался опытности учеников в оценке событий частной и политической жизни, формировал профессиональные навыки для любой деятельности. Если вспомнить знаменитое определение человека, данное Аристотелем («человек — это существо политическое»), то обучение риторике и эристике есть процесс «выделки» граждан. Исократ мог вполне согласиться с Протагором, что именно такое образование сможет сделать из учеников хороших граждан, способных не только управлять собственным хозяйством, но и государственным делами, т. е. овладеть «политическим искусством».

Обучая политическому искусству, учил ли Исократ своих учеников добродетели? Сам учитель давал на этот вопрос отрицательный ответ, ибо учить можно знанию, а добродетель, в отличие от Сократа, Исократ знанием не считал. В речи «Против софистов», вероятно, приуроченной к открытию школы, Исократ, выступил с резкой критикой самонадеянных учителей эристики и красноречия, обещающих научить своих учеников добродетели и сделать их счастливыми. Сам же он полагал, что научить добродетели нельзя, можно лишь развить то, чем ученик одарен от природы, причем

обучение будет успешным только в том случае, если сам учитель обладает этим качеством и может служить образцом для ученика (Isocr. XV, 274) [3, с.358–359]. Однако такое утверждение отнюдь не означало, что риторика, по Исократу, не имела воспитательной ценности. В слове видел Исократ не просто инструмент, владение которым отличает человека от животных и обеспечивает прогресс в технике и искусствах; слово для него было инструментом, позволяющим осуществлять справедливость, он понимал слово как носителя культуры. Не всякий, кто владел словом, был добродетельным, однако человек не мог быть добродетельным, не владея словом. Таким образом, риторика и этика в рамках исократовской философии речи оказывались тесно связанными: «в правдивом, честном и справедливом слове видим отображение доброй и справедливой души» (Isocr. III, 7) [6, с. 34]. Так, слово благородного учителя или добродетельного, мужественного и справедливого героя, усвоенное учеником, выступает носителем добродетели, а само красноречие принимает на себя функции учителя добродетели.

Таким образом, отрицая возможность научить добродетели в теории, всей своей долгой практикой Исократ утверждал обратное, вселяя наивную, но неистребимую веру в единство слова и дела. Предложенный Исократом идеал был ожидаем и востребован афинским обществом. Можно согласиться с А.-И. Марру, что «именно Исократ, а не Платон, был воспитателем Греции IV века, а вслед за ней и всего эллинистического, а позже римского мира. <...> Исократу более чем кому-либо другому подобает честь и ответственность называться вдохновителем традиционного западноевропейского типа образования» [7, с. 119].

Платон: две стратегии воспитания добродетели

Можно предположить, что успех риторической школы Исократа, с одной стороны, и несогласие с его взглядами — с другой, были не последними в ряду причин, которые привели Платона к решению о создании собственной школы — Академии. Это решение для Платона как ученика Сократа не было оригинальным, многие ученики Сократа — Аристипп, Антисфен, Евклид и др. — стали основателями школ и в этом смысле изменили учителю. Вспомним знаменитые слова Сократа: «Я не был никогда ничьим учителем. <...> Никого никогда не обещал учить и не учил...» (Pl. Ap. 33 a-b) [9, с. 102] (о мотиве ученичества см. [13]). Сократ — это учитель, который всю жизнь оставался учеником и учил учиться, учил быть учеником. Сократ не создал школы, потому что создание школы означало бы конец ученичеству. Школу мог возглавить только учитель. Чтобы быть учителем, необходимо владеть знанием, Сократ же знал только свое незнание (став учителем, Платон создал образ мудрого Сократа, сохранив в своих диалогах уникальную практику учителя-ученичества).

Платон, безусловно, — учитель. В отличие от софистов, Сократа и Исократа, он учитель, знающий истину. Ответ на вопрос о том, можно ли научить добродетели, для Платона как основателя школы принципиально важен. Поискам ответа на этот вопрос Платон посвящает диалог «Протагор», в котором достаточно полно, ясно и корректно излагает воззрения софистов, от имени которых в диалоге выступает Протагор. По мнению софистов, добродетель не является «врожденной и возникающей самопроизвольно, <...> ей научаются, и если кто достиг ее, так только прилежанием» (Pl. Prot. 323 c; ср.: Ap.19 e) [8, с. 206]. Однако Платон не мог согласиться с софистами, обещавшими всех, кто этого желал, обучить добродетели. Если бы это можно было бы

сделать с гарантируемой софистами легкостью, невозможно было объяснить, почему при наличии стольких учителей добродетели так много лишенных добродетели граждан, а у добродетельных отцов — столь недобродетельные дети. Однако и позиция, занятая Исократом, тоже не была близка Платону, а саму риторику он не считал способной выполнить функции воспитательницы добродетели. Отрицательный ответ на вопрос о возможности научить добродетели никак не мог удовлетворить Платона, ибо свою задачу и цель школы Платон видел именно в правильном воспитании граждан.

Думается, что сформулированная в конце «Протагора» как итог дискуссии апория и была целью диалога.

«Чудаки вы, Сократ и Протагор! Ты, утверждавший прежде, что добродетели нельзя научиться, теперь вопреки себе усердствуешь, пытаешься доказать, что все есть знание: и справедливость, и рассудительность, и мужество. Но таким путем легче всего обнаружится, что добродетели можно научиться. Ведь если бы добродетель была не знанием, а чем-нибудь иным, как пытался утверждать Протагор, тогда она, ясно, не поддавалась бы изучению; теперь же, если обнаружится, что вся она — знание (на чем ты так настаиваешь, Сократ), странным было бы, если бы ей нельзя было обучиться. С другой стороны, Протагор, тогда полагавший, что ей можно обучиться, теперь, видимо, настаивает на противоположном: она, по его мнению, оказывается чем угодно, только не знанием, а следовательно, менее всего поддается изучению» (Pl. Prot. 361 a — b) [8, с. 252].

Столкнув в «Протагоре» два противоположных подхода к обсуждаемому вопросу, каждый из которых имел убедительные аргументы как «за», так и «против», Платон раскрыл всю сложность проблемы и обосновал необходимость ее дальнейшего исследования:

«Меня же, Протагор, когда я вижу, как все тут перевернуто вверх дном, охватывает сильное желание все это выяснить, и хотелось бы мне <...> разобраться и в том, что такое добродетель, и снова рассмотреть, можно ей научиться или нет» (Pl. Prot. 361 c) [8, с. 253].

Очевидно, что проблема не могла быть удовлетворительно решена без разработки таких понятий как «добродетель», «знание», «обучение», что и будет сделано Платоном в ряде диалогов и, прежде всего, в «Меноне», начало которого возвращает нас к проблематике «Протагора». Платон вновь формулирует вопросы: «Можно ли научиться добродетели? Или ей нельзя научиться и можно лишь достичь ее путем упражнения? А может быть, ее не дает ни обучение, ни упражнение и достается она человеку от природы либо еще как-нибудь?» (Pl. Men. 70 a) [10, с. 369]. Поиск ответов на них приводит Платона к принципиально новому пониманию процесса познания, в основе которого лежит признание самодостаточного существования истинного бытия, бытия идей. По мнению Платона, душа человека до своей земной жизни созерцала истинное бытие, питаясь справедливостью, мужеством и другими добродетелями. В своей земной жизни она может лишь вспоминать увиденное, и в той степени, в которой ей удастся это сделать, она может быть добродетельной.

Это учение, изложенное в «Меноне», позволило Платону сформулировать собственную, оригинальную стратегию воспитания. Добродетельный человек — это человек, способный к самораскрытию божественного начала в душе. Это труднодостижимо, требует много времени, природных способностей и усилий. Именно поэтому Платон считает добродетель божественным даром или божественным жребием, полагая, что добродетельных людей немного. Платон называет их философами и утверждает, что

именно они должны управлять государством. Можно ли научить так понимаемой добродетели? Нет, — неоднократно повторяет Платон, — ибо добродетель — это особое знание, которое невозможно передать от одного человека другому. В этом смысле добродетели нельзя научить, однако ей можно научиться. Так полагает Платон и создает Академию, чтобы воспитывать философов. Обучение состоит не в передаче от учителя к ученикам совокупности знаний-умений, а в совместном поиске истины, когда в ходе многочисленных бесед и совместных занятий «с помощью беззлобных вопросов и ответов может просиять разум» (Pl. Ep. VII 344 b) [11, с. 545]. Ученик в творческом порыве, без принуждения обретает добродетель, восхищаясь божественным даром и переживая чувство подлинной свободы, ибо, как утверждал Платон, «не может разум быть чьим-либо послушным рабом» (Pl. Leg. 875 d) [12, с. 366]. Таким образом, в рамках рассмотренной воспитательной стратегии процесс воспитания понимается как процесс творческой самореализации сущностного начала человека.

Могла ли такая воспитательная стратегия быть единственной? Очевидно, нет, ибо она предназначалась избранным, а необходимо было воспитать многих. Думается, Платон это прекрасно понимал, разрабатывая модель иной воспитательной практики в своем самом позднем произведении, в «Законах». В качестве ключевых понятий модели воспитания, ориентированной на большинство граждан, Платон выбирает следующие: закон, порядок, послушание. Глубоко переживающий несовершенство человеческой жизни и разочарованный в людях, он сравнивает их с куклами (Pl. Leg., 804 b) [12, с. 283], случайно «выдуманными игрушками бога» (Pl. Leg., 803c) [12, с. 283]. Куклы-марионетки не способны к творческому поиску, к самореализации, но от них, по мнению Платона, можно и нужно добиться послушания. Вот почему в «Законах» Платон до мельчайших подробностей продумывает организацию человеческой жизни, жестко регламентируя как жизнь отдельного человека от момента ее зачатия до самой смерти, так и жизнь общества. В качестве самого главного в такой жизни Платон подчеркивает: «никто никогда не должен оставаться без начальника, <...> никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению. <...> А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям» (Pl. Leg., 942 a — d) [12, с. 444–445]. Таким образом, в «Законах» Платон понимает воспитание как насилие, сущность которого — в принуждении к добродетели. Он уверен, что приученные к послушанию люди-куклы способны усвоить (понять, запомнить и закрепить понятое, упражняясь) правильные законы и вести добродетельную жизнь.

Анализ исторических форм воспитания показывает, что господствующим типом воспитательной практики было именно принуждение к добродетели, на протяжении веков остававшееся основой семейного воспитания. Однако ребенок, будучи послушной куклой, вряд ли сможет впоследствии стать творческой личностью, способной к самореализации. Сегодня как и во времена Исократы и Платона по-прежнему остается открытым вопрос о том, можно ли научить добродетели, и если можно, то как это сделать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997.
2. Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. — М.: Наука, 1994.

3. Исократ. Об обмене имуществом (XV) / Пер. В. Г. Боруховича // Речи и письма; Малые аттические ораторы. Речи / Под общей ред. Э. Д. Фролова. М.: Ладомир, 2013 (Далее: Исократ. Речи). — С. 300–368.
4. Исократ. Похвала Елене (X) / Пер. М. Н. Ботвинника и А. И. Зайцева // Исократ. Речи. — С. 200–213.
5. Исократ. Против софистов (XIII) / Пер. Э. Д. Фролова // Исократ. Речи. — С. 281–287.
6. Исократ. Никокл, или К жителям Кипра (III) / Пер. Э. Д. Фролова // Исократ. Речи. — С. 32–45.
7. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. — М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998.
8. Платон. Протагор / Пер. В. С. Соловьева // Платон. Сочинения. В 3-х т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1971–72 (Далее: Платон. Соч.). Т. 1. — С. 187–254.
9. Платон. Апология Сократа / Пер. М. С. Соловьева // Платон. Соч. Т. 1. — С. 81–112.
10. Платон. Менон / Пер. С. А. Ошерова // Платон. Соч. Т. 1. — С. 367–412.
11. Платон. Письма / Пер. С. А. Кондратьева // Платон. Соч. Т. 3. Часть 2. — С. 507–567.
12. Платон. Законы / Пер. А. Н. Егунова // Платон. Соч. Т. 3. Часть 2. — С. 83–478.
13. Таррант Г. Платон, предубеждение и ученики зрелого возраста в античности / ΑΚΑΔΗΜΕΙΑ: Материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 5: Сб. статей / Отв. ред. А. В. Цыб. — СПб., 2003. С. 129–143.
14. Фукидид. История / Изд. подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. — Л.: Изд-во «Наука», 1981.
15. Johnson H. A note on the number of Isocrates pupils // American Journal of Philology. 1957. Vol 78. P. 297–300.
16. Johnson H. Isocrates' method of teachings // American Journal of Philology. 1959. Vol. 80. P. 25–36.